

Краткая история равенства

ТОМА ПИКЕТТИ

Перевод с французского Виктора Липки
под научной редактурой Александра Павлова

Издательство АСТ
Москва

Глава 3. Рабское, колониальное наследие

Каким образом Европа и Соединенные Штаты добились господствующего положения над всем миром и пользовались им как минимум до самого последнего времени? Вскоре мы увидим, что основополагающую роль в обогащении Запада сыграли рабство и колониализм, хотя данное объяснение никоим образом нельзя считать единственным. Это наследие и по сей день оказывает влияние на распределение богатств как внутри каждой страны, так и на мировом уровне. Поэтому нам особенно важно рассмотреть все эти исторические моменты более подробно.

Промышленная революция, колониализм и экология

Все исследования, результаты которых имеются в нашем распоряжении, красноречиво свидетельствуют о том, что развитие западного промышленного капитализма неразрывно связано с системами международного разделения труда, безудержной эксплуатации природных ресурсов, а также военного и колониального доминирования ведущих европейских держав, начавшегося в XV–XVI веках, а в XVIII–XIX значительно ускорившегося. В более широком смысле, написать историю равенства и неравенства в мире без

оценки колониального наследия попросту невозможно. Европейская экспансия началась в 1450–1500-х годах с созданием первых португальских поселений на побережье Африки, путешествием Васко да Гамы в Индию и американскими походами Колумба. Конец ей в 1960-х годах положили жестокие войны за независимость, примером которых могут быть военные конфликты в Алжире и Индокитае. С учетом южноафриканского апартеида этот процесс и вовсе затянулся до 1990-х годов. В долгосрочной перспективе можно сказать, что сегодня мы только-только оставляем позади наш колониальный опыт. Полагать, что его влияние за несколько десятилетий сойдет на нет, было бы верхом наивности. Те, кто рождается на планете сегодня, не несут за это трудное наследие прямой ответственности, но каждый из нас ответственен за то, какой он делает выбор — учитывать или нет колониализм в анализе нынешней мировой экономической системы со всей его несправедливостью и вносить ли в соответствии с этим в свои выкладки коррективы.

Работа Кена Померанца о «великом расхождении» между Европой и Азией, опубликованная в 2000 году, громогласно заявила о том, что в отсутствие системы снабжения и мобилизации трудовых ресурсов на мировом уровне западное промышленное развитие вскорости уперлось бы в масштабные «экологические препятствия планетарного масштаба»¹. В частности, Померанц наглядно продемонстрировал, до какой степени промышленная революция конца XVIII века в Великобритании, в XIX веке перекинувшаяся и на

---

¹ См. К. Pomeranz, *The Great Divergence*. op. cit. (К. Померанц. *Великое расхождение*).

другие страны, базировалась на масштабном использовании природных ресурсов (особенно хлопка) и источников энергии (в частности дров), которые поступали из других уголков мира в рамках учрежденной силой колониальной системы. По мнению Померанца, ключевую роль играет тот факт, что в 1750–1800-х годах самые передовые регионы Японии и Китая находились примерно на том же уровне развития, что и соответствующие им страны Западной Европы. В частности, и в том, и в другом случае можно наблюдать весьма похожие формы социально-экономических структур: демографический рост и интенсивное земледелие (что стало возможным благодаря улучшению методик выращивания культур и значительному росту сельскохозяйственных площадей за счет распашки целинных земель и вырубания лесов) и сравнимые процессы первичной индустриализации и накопления капитала, особенно в текстильной промышленности, на тот момент основной.

В своем анализе Померанц утверждает, что расхождению в разные стороны в 1750–1800-х годах способствовали два основополагающих фактора. Во-первых, резкие ограничения, вызванные вырубанием европейских лесов, вкупе с идеально расположенными залежами угля, быстро привели к переходу на другие источники энергии вместо дров и к быстрому развитию соответствующих технологий. Во-вторых, и это главное, фискальные и военные возможности европейских государств, в значительной степени ставшие итогом их соперничества в прошлом, а потом усиленные финансовыми и технологическими инновациями, появившимися в результате конкуренции между ними,

позволили организовать международный рынок труда и систему снабжения таким образом, чтобы извлекать из нее максимальную выгоду.

Говоря о вырубке лесов, Померанц настаивает на том обстоятельстве, что в конце XVIII века Европа практически столкнулась с безвыходными экологическими ограничениями. В Великобритании и Франции, в Дании и Пруссии, в Италии и Испании леса в предшествующие века исчезали с головокружительной скоростью, сократившись с 30–40 % от всех территорий в 1500 году до чуть более 10 % в 1800 году (для Франции этот показатель тогда составлял 16 %, для Дании 4 %). На первом этапе нехватку восполняла торговля дровами с регионами Восточной и Северной Европы, где на тот момент пока оставались леса, но вскоре ее уже стало не хватать. Аналогичное сокращение лесов в 1500–1800 годах наблюдалось и в Китае, хотя там этот процесс шел не столь высокими темпами, частью благодаря более значительной политической и экономической интеграции самых развитых регионов с внутренними территориями, где леса на тот момент еще сохранялись.

В случае с Европой справиться с этими ограничениями помогло открытие Америки, «треугольная» торговля с Африкой, а также торговые связи с Азией. Эксплуатация территорий Северной и Южной Америки, а также Антильских островов, на которые доставлялась рабочая сила из Африки, позволила производить сырье (в том числе дрова, хлопок и сахар), которые обуславливали прибыли колоний и текстильных фабрик, активно развивавшихся с 1750–1800-х годов. Помимо прочего, масштабному дополнительному развитию также способствовал военный контроль

даже над самыми отдаленными морскими торговыми путями. Таким образом, снабжение рабов Антильских островов и территорий, ныне расположенных на юге США, финансировалось за счет экспорта текстиля в Северную Америку британскими фабриками, на которые, в свою очередь, с плантациями доставлялись хлопок и дрова. Добавим, что примерно треть текстиля, который шел на одежду рабам, в XVIII веке поставлялась из Индии, и этот азиатский импорт (текстиль, шелк, чай, фарфор и т.д.), начиная с XVI века, в значительной степени оплачивался деньгами, поступающими из Америки.

Ближе к 1830 году поставки с плантациями в Англию хлопка, дров и сахара примерно соответствовали продукту эксплуатации свыше 10 миллионов гектаров возделываемых земель, что в 1,5–2 раза превышает все сельскохозяйственные угодья Великобритании¹. В отсутствие колониального решения этих экологических

---

¹ См. *ibid.*, p. 211–230, 264–297, 307–312. Ключевое влияние этого импорта сохранялось намного дольше, чем порой принято считать. В отличие от представлений, навязываемых нам оптимистичными сторонниками «энергетического перехода», на тот момент в истории имела место не замена одного источника другим, а добавление новых к уже существующим старым (дрова, уголь, нефть). На рубеже 1900-х годов Франция в эквивалентном отношении импортировала примерно половину собственного производства дров (сжигая их сверх объема, заготавливаемого в стране), а Великобритания — около двухлетних заготовок Франции (ее собственные ресурсы на тот момент были уже практически исчерпаны). Импорт осуществлялся из Северной Европы (Россия, Швеция, Финляндия), Северной Америки, но также из Африки, Латинской Америки и Азии. См. J.-B. Fressoz, *Pour une histoire des symbioses énergétiques et matérielles*, Annales des Mines, 2021. О безудержной вырубке лесов в Европе и Северной Америке в XVIII–XIX веках см. L. Chancel, «Global Carbon Inequality in the Long-Run», *цитируемая статья*.

ограничений источники сырья пришлось бы искать где-то еще. Строить историко-технологические сценарии, в рамках которых автаркическая Европа добилась бы аналогичного промышленного процветания, никто, конечно, не запрещает, однако для этого потребовалась бы немалая толика воображения, чтобы представить, например, хлопковые плантации, за которыми ухаживают крестьяне Ланкашира, или деревья, упирающиеся верхушками в небо где-нибудь под Манчестером. Как бы то ни было, речь в этой ситуации, скорее всего, шла бы совсем о другой истории и другом мире, никак не связанном с тем, в котором живем мы.

Истоки великого расхождения: европейское военное доминирование

Как демонстрирует Померанц, военные структуры и стратегии кампаний, успешно проводимых Европой в XVIII–XIX веках, имеют на удивление мало общего с теми добродетельными институтами, которые в 1776 году в своей книге «Богатство народов» рекомендовал создавать Адам Смит. В своем главном труде основатель экономического либерализма советовал правительствам вводить низкие налоги, одобрять сбалансированный бюджет, не требующий высокого уровня госдолга, свято уважать право собственности, создавать максимально единые и конкурентные рынки товаров и труда. Однако с этой точки зрения институциональный инструментарий, существовавший в XVIII веке в Китае, куда больше соответствовал представлениям Смита, чем аналогичные структуры в Великобритании. В частности, в Китае рынки были

гораздо более едины. Рынок зерна функционировал на значительно большей территории, к тому же рабочая сила там была существенно мобильнее. Помимо прочего это объяснялось огромным влиянием феодальных институтов Европы, по меньшей мере до Великой французской революции. Крепостное право в Восточной Европе существовало до XIX века (в то время как в Китае, по большей части, исчезло уже в начале XVI века), а мобильность рабочей силы в Западной Европе, особенно в Великобритании и Франции, в XVIII веке искусственно ограничивалась не только «законами о бедных», но и огромной независимостью элит и местных дворян, благодаря которой они имели возможность навязывать трудящемуся классу свои кабальные правила. Церковной собственности, сделки с которой по большей части запрещались, в Европе тоже было гораздо больше.

Наконец, и это главное, в Китае были намного ниже налоги, как, впрочем, и в Османской империи. В бюджетной сфере империя Цин придерживалась ортодоксального, строгого правила: налоги должны покрывать расходы, не допуская дефицита. В отличие от нее, европейские государства, начиная с Великобритании и Франции, в 1500–1800-х годах пребывали в состоянии чуть ли не перманентной войны, накапливая значительный государственный долг несмотря на высокий уровень податей, потому как налоговых поступлений никогда не хватало для покрытия невероятных расходов, обусловленных конфликтом, которые еще больше усугублялись необходимостью выплачивать проценты по прошлым долгам. Но именно фискальные, финансовые и военные возможности оказали решительное влияние на рост могущества

Европы. Говоря конкретно, если военное могущество Китая и Османской империи в XVI и большей части XVII веков примерно равнялось европейскому (последняя осада Вены турками датируется 1683 годом), то неизбежная конкуренция между европейскими странами позволила им нарастить возможности, которые в конце XVIII и на протяжении всего XIX века обеспечили этим государствам безраздельное доминирование в мире. В 1550 году турецкая армия и флот насчитывали порядка 140 000 человек — столько же, сколько войска Англии и Франции вместе взятые. В 1780 году численность состава турецких подразделений практически не изменилась (чуть поднявшись до 150 000 человек), в то время как французские и английские сухопутные и морские силы достигли 450 000 человек, обладая флотами, значительно превосходящими османский по огневой мощи. К этой цифре следует также добавить 250 000 солдат Австрии и 180 000 Пруссии, при том, что в 1550 году с военной точки зрения этих двух государств попросту не существовало¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники о налоговых сборах, сколь бы несовершенными они ни были, утверждают, что в 1500–1800-х годах между европейскими государствами и другими странами мира наблюдалось существенное расхождение (см. График 8). До 1600–1650-х годов эти сборы практически повсюду находились на очень низком уровне. Затем, в 1700–1750-х годах, по мере консолидации стран Европы, разрыв усиливался все больше.

---

¹ См. К. Karaman, S. Pamuk, *Ottoman State Finances in European Perspective*, Journal of Economic History, 2010, и Т. Piketty, *Capital et idéologie*, p. 438–439.

В конце XVIII — начале XIX веков налоговые сборы в Китае и Османской империи в среднем на одного городского жителя составляли зарплату за 2–4 дня труда (порядка 1–2 % от национального дохода), в то время как в основных европейских государствах этот показатель оценивался в зарплату за 15–20 дней труда (примерно 6–8 % от национального дохода¹). Сколь туманны бы ни были эти источники, разрыв не вызывает ни малейших сомнений и соответствует определенным ключевым трансформациям. В частности, государство, способное собрать в виде налогов лишь 1 % от национального дохода, обладает самой незначительной властью и не в состоянии мобилизовать общество. В целом, для выполнения полезных с его точки зрения функций оно может поставить себе на службу не больше 1 % процента населения². Такие государства едва способны гарантировать безопасность жителей своих территорий и их имущества, поэтому в данном отношении им не остается ничего другого,

---

¹ Учитывая трудности с оценкой национального дохода, здесь предпочтительнее оперировать данными оплаты за день городского труда, о которой в исторической перспективе известно гораздо больше, особенно в строительстве. Аналогичное радикальное расхождение между европейскими странами с одной стороны и Китаем и Османской империей — с другой можно выявить, если выразить налоговые сборы в тоннах серебра. См. Т. Piketty, *Capital et idéologie*, график 9,1, р. 432.

² При том условии, что призванные государством на службу граждане (полицейские, военные, чиновники и т.д.) получают зарплату, соответствующую средней по стране, а стоимость оборудования и прочего материального обеспечения, необходимого для исполнения ими своих обязанностей, тоже находится на среднем уровне. Если же эта стоимость в два-три раза превышает среднюю, то во столько же раз снижается и способность государства рекрутировать кадровый состав.

Оглавление

БЛАГОДАРНОСТИ	5
ВВЕДЕНИЕ	8
Новая экономическая и социальная история.....	10
Бунты против несправедливости, познание справедливых институтов.....	20
Властные отношения и их пределы.....	26
Глава 1. ПУТЬ К РАВЕНСТВУ: ПЕРВЫЕ ВЕХИ	31
Прогресс человечества: всеобщее образование и здравоохранение.....	31
Население мира и средний доход: пределы роста.....	35
Выбор социально-экономических индикаторов: политический вопрос.....	38
О многообразии социальных и экологических индикаторов.....	41
Без измерения неравенства не существует устойчивого развития.....	46
Глава 2. МЕДЛЕННОЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ И СОБСТВЕННОСТИ	52
Динамика концентрации собственности с конца XVIII века.....	53

Собственность и власть: совокупность прав.	56
Собственность на средства производства, жилье, государство и остальной мир.	60
Трудное становление среднего класса собственников.	69
Долгий путь к росту равенства доходов.	74

Глава 3. РАБСКОЕ, КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ. 79

Промышленная революция, колониализм и экология	79
Истоки великого расхождения: европейское военное доминирование	84
Хлопковая империя: установление контроля над мировой текстильной промышленностью	89
Протекционизм, взаимоотношения центра с периферией и мир-системы	95
Превращение Европы в провинцию, переосмысление специфики Запада	100
Экономическая и социальная история, история создания государства	105

Глава 4. ВОПРОС РЕПАРАЦИЙ. 109

Отмена рабства: финансовые компенсации рабовладельцам.	109
Должно ли французское государство выплатить Гаити долг?	115
Отмена рабства британцами и французами, компенсации 1833 и 1848 годов	120
Соединенные Штаты Америки: долгий путь рабовладельческой республики	126
Пострабовладельческий колониализм и вопрос принудительного труда.	130

Франция, неизвестная колониальная республика	141
Вопрос о репарациях: переосмысление правосудия в транснациональном масштабе	146

**Глава 5. РЕВОЛЮЦИИ, СТАТУСЫ
И КЛАССЫ. 149**

Конец привилегий и неравенства на основе статуса? . . .	149
Долгий путь к отмене принудительного труда во всех его проявлениях	154
Швеция в 1900-х годах: человек один, сто голосов	162
Метаморфозы привилегий: демократия денег	169
Живучесть голосования по цензовому принципу: экономическая плутократия.	176
Партисипаторный социализм и разделение власти.	181

**Глава 6. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ
1914–1980 ГОДОВ 188**

Формирование социального государства: образование, здравоохранение, социальная защита.	189
Второй прыжок фискального государства вперед: антропологическая революция	195
Введение прогрессивного налога на доходы и наследство	199
Реальная прогрессивная шкала и общественный договор: вопрос согласия платить налоги.	208
Прогрессивная шкала налогообложения: инструмент снижения неравенства до выплаты налогов	212
Ликвидация колониальных активов и государственного долга.	217
Перестройка Европы благодаря отмене государственных долгов	227

**Глава 7. ДЕМОКРАТИЯ, СОЦИАЛИЗМ
И ПРОГРЕССИВНАЯ ШКАЛА
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ 232**

Пределы равенства: гиперконцентрация
собственности 232

Государство всеобщего благосостояния
и прогрессивная шкала налогообложения:
системная трансформация капитализма 239

Собственность и социализм: вопрос
децентрализации 246

За демократический социализм с децентрализацией
и самоуправлением 257

Свободное движение капитала: новая цензовая
власть 263

**Глава 8. ПОДЛИННОЕ РАВЕНСТВО
ПРОТИВ ДИСКРИМИНАЦИИ 271**

Равенство в образовании: провозглашенное,
но не реализованное 272

За позитивную дискриминацию, основанную
на социальных критериях. 278

О живучести патриархата и безудержном стремлении
повышать квоты 285

Как бороться с дискриминацией, не заикливаясь
на идентичности 293

Как совместить социально-политический паритет
и перераспределение богатств 299

Как измерить расизм количественно: к вопросу
об этнически-расовых категориях. 304

Религиозный нейтралитет и лицемерие французского
секуляризма. 310

Глава 9. КАК ВЫЙТИ ИЗ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА	313
«Славное тридцатилетие» и Глобальный Юг: ограничения социально-национального государства ...	314
Неоколониализм, коммерческая либерализация и налоговый рай.	319
Уловки международной поддержки и политика в сфере экологии	326
Права беднейших стран: как покончить с логикой отношений центра с периферией.	331
От социально-национального государства к социально-федеральному государству	336
За социальный, демократический федерализм	341
Глава 10. К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ, ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ И СМЕШАННОМУ СОЦИАЛИЗМУ	349
Движущие силы перемен: глобальное потепление и борьба идеологий.	350
Китайский социализм, хрупкость идеальной цифровой диктатуры.	354
От войн капитализмов до войны социализмов	365
Спасут ли нас деньги?	368
За суверенитет на принципах универсализма	374